

УДК 314.82 (571.16) "1710/1814"

Соколовский Иван Ростиславович,
кандидат исторических наук,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук,
sokolowski@yandex.ru

**Население Сибири XVIII в.:
государственная политика и стихийные процессы.
Попытка нового подхода к традиционной проблематике**

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения численности русского населения Сибири в первом десятилетии XVIII в. Специфика изучения истории русского населения в XVIII в. заключается в том, что в это время впервые в истории Сибири появляются собственно научные данные по этому вопросу, полученные профессиональными учеными, имеющими соответствующее образование и рациональное научное сознание. Возможность сопоставить официальную статистику с научными материалами приводит многих исследователей к мифологическим представлениям о полной и тотальной недостоверности официальных данных о численности населения. Мы считаем, что подобный подход страдает определенной односторонностью. С нашей точки зрения, говоря о недостоверности официальной статистики и, в частности, данных переписи 1710 г., историки должны определять интервал этой недостоверности, указывая, какого рода поправку надо приводить, чтобы получить более или менее достоверные данные. В данной статье, чтобы определить величину этой поправки, мы воспользовались некоторыми данными Г.Ф. Миллера и провели «мысленный эксперимент», предположив, что было бы, если бы официальные данные о населении расходились бы с реальностью в тех масштабах, в которых расходятся официальные данные о числе населенных пунктов. В качестве проверки нами были избраны данные о численности населения Сибири за последующие эпохи XVIII–XIX в. Мы пришли к выводу, что расхождение между официальными данными и реальной численностью населения на начало XVIII в. не могло превышать 20 %, т. е. реально от внимания властей мог ускользнуть только каждый пятый представитель податного сословия. Однако возможно, что точность официальной статистики была еще выше, и от нее укрывалось не более 10–15 % населения.

Ключевые слова: численность русского населения, Сибирь, XVIII в., официальные данные, перепись 1710 г., доверительный интервал.

Историк, изучающий население Сибири до XVIII в., вынужден пользоваться только официальными источниками. Полнота картины, составленной по этим источникам, во многом определяется степенью их

сохранности. Проверка достоверности документов воеводского управления либо невозможна, либо чрезвычайно трудоемка [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. В XVIII в. картина меняется. Благодаря личным усилиям царя Петра, в России возникает наука европейского типа. Среди прочего, в Россию приезжает немецкий ученый Герхард Фридрих Мюллер (в русской традиции принят полонизированный вариант «Миллер»). В начале 1730-х он выступает как научный организатор и непосредственный участник десятилетней научной экспедиции в Сибирь. Свое путешествие Миллер сопровождает не только сбором исторических источников, но и ведением разного рода путевых заметок. Кроме того, он пишет и публикует ряд серьезных исследовательских работ по истории, географии, этнологии Сибири. Эти материалы становятся ценнейшим источником для будущих историков Сибири. Благодаря экспедиционным материалам Миллера первой половины XVIII в., мы имеем дело не только с официальной статистикой, но и с наблюдениями, которые этот ученый сделал во время своего путешествия. Специфика созданных им материалов заключается еще и в том, что он руководствовался целями научной достоверности и объективности, ставил перед собой цель проверки официальной статистики и обладал критическим рациональным сознанием. [15, с. 10–18; 16, с. 12–18]. Фактически, материалы Миллера – это своеобразная машина времени. Г.Ф. Миллер задавал своим современникам почти весь тот набор вопросов, который интересует историков и в настоящее время, в то время, как его современники жили в ту эпоху, которые некоторые горячие головы еще недавно называли «средневековой».

По причине такого уникального характера миллеровских сведений, некоторые историки попадают в целую сеть мифологических ловушек. Например, все официальные данные, созданные до Миллера и без его участия, начинают восприниматься с «гипер-критической» точки зрения. У этих историков формируется мифическое представление будто сибирская и московская администрация совершенно не представляла себе подчиненное население и не вела его учет (или вели на таком уровне точности, что лучше бы они этого не делали бы вовсе). Возникает представление, будто Г.Ф. Миллер – это источник свободный от любых ошибок и заблуждений, от любой предвзятости. Отметим, что Г.Ф. Миллер был чрезвычайно точный, дотошный и въедливый человек, но человек, который никогда не ошибается – это, несомненно, фигура мифического сознания. Подобные ловушки и aberrации некоторыми историками кладутся в основу своих построений как несомненные факты, из которых надо лишь сделать несомненные выводы. Изучая вклад Г.Ф. Миллера в исследование истории русского населения, мы хотели бы избежать вышеуказанных ловушек. При этом, соглашаясь с критикой официальной статистики с опорой на миллеровские данные только до некоторой степени, мы вовсе не ставим перед собой задачу опровергнуть все выводы коллег, которые они делают из неверных, на наш взгляд, посылок. Мы хотим продемонстрировать только возможности некоторых новых подходов к уже известным данным [17, с. 20–24].

Итак, на наш взгляд, существует следующая историографическая коллизия. Историкам известно, что какова бы ни была государственная политика в XVII – первой четверти XVIII в., стихийные процессы в складывании населения играли существенную роль. В данной работе мы не пытаемся оспорить этот тезис как целое, но хотели бы конкретизировать некоторые частности. Так, на наш взгляд, когда историки говорят о недостоверности государственной статистики, они обычно избегают давать количественную оценку интервала этой недостоверности. Общая тенденция сводится к тому, что историки данного направления соглашаются между собою, что официальные данные показывали заниженную численность населения Сибири. Мы же, со своей стороны, хотели бы поставить вопрос именно о границах доверительного интервала, так как это обычно делается при всякого рода статистических оценках.

Благодаря кропотливой работе А.Х. Элрета мы можем привести несколько примеров расхождения между данными Миллера и данными официальных документов из числа собранных им самим или описанных в литературе. Для удобства восприятия эти данные сведены в таблицу 1. Они расположены в порядке увеличения величины расхождения. Для каждого случая мы приводим территориальную единицу, единицу учета (это очень важно для дальнейшего изложения), еще в одной графе показано, имеет ли величина расхождения с данными Миллера положительный или отрицательный характер, еще одна графа – это процентное выражение величины расхождения и, наконец, последняя графа это коэффициент, на который надо умножить данные официальной статистики, чтобы получить величину, полученную Г.Ф. Миллером. Пронумеруем строки таблицы для того, чтобы удобно ссылаться на них при анализе проблемы [18].

Таблица 1. Примеры расхождений между данными, собранными Г.Ф. Миллером, и данными официальной статистики.

№	Терр. единица	Ед. измерения	Мил-лер	Офиц.		Расх.	%	Коэфф.
1	Колывано-воскресенский завод	деревень	8	15	-	-7	-46, 67%	0,53
2	Кузнецкий уезд	численность податных	6782	6760	+	22	0, 33%	1
3	Енисейский уезд	численность податных	10153	8457	+	1696	20, 05%	1,2
4	Кузнецк	число дворов	500	397	+	103	25, 94%	1,26
5	Енисейский уезд	численность податных	10153	8010	+	2143	26, 75%	1,27

6	Красноярский уезд	число населенных пунктов	85	66	+	19	28, 79%	1,29
7	Енисейский уезд	численность податных	10153	7819	+	2334	29, 85%	1,3
8	Мальшевская слобода	деревень	21	15	+	6	40, 00%	1,4
9	Енисейский уезд	численность податных	10153	7241	+	2912	40, 22%	1,4
10	Белоярская крепость	деревень	34	23	+	11	47, 83%	1,48
11	Томский	число населенных пунктов	335	226	+	109	48, 23%	1,48
12	Енисейский уезд	число населенных пунктов	247	163	+	84	51, 53%	1,52
13	Кузнецкий у. Притомье	число населенных пунктов	59	37	+	22	59, 46%	1,59
14	Томский уезд	деревень	334	207	+	127	61, 35%	1,61
15	Томский уезд	деревень	334	184	+	150	81, 52%	1,82
16	Бийская крепость	деревень	6	3	+	3	100, 00%	2
17	Кузнецкий у. Приобье	число населенных пунктов	119	49	+	70	142, 86%	2,43
18	Нарымский уезд	число населенных пунктов	43	6	+	37	616, 67%	7, 17

Составлена по: [18, с. 96–103].

Давайте рассмотрим эти 18 примеров. Как можно легко заметить, только в случаях 2, 3, 5, 7, 9 речь идет о численности податного населения. Во всех остальных случаях Г.Ф. Миллер расходится с официальными органами в подсчете числа населенных пунктов. Конечно, А.Х. Элерт не мог пройти мимо этого обстоятельства и сделал вывод, что ревизский учет населения носил «приписной» характер, то есть население учитывалось не по месту фактического проживания, а по месту «регистрации». Кроме того, А.Х. Элерт предположил, что вероятно все же имел место недоучет старообрядцев и монастырских крестьян [18, с. 110–111].

Расхождение между официальными данными и данными Г.Ф. Миллера во всех этих примерах различно. Причем оно колеблется в весьма широких пределах. Если, например, численность податного населения Кузнецкого уезда у Миллера всего на 22 чел. (пример 2) больше официальных данных, то различие по енисейскому уезду (пример 3) составляет уже 1696 чел., или

20 %. В примере 5 разница составила 2143 чел., или почти 27 %, а в примере 9 – 2912 чел. Расхождение в числе дворов еще больше. В примере 4 данные при подсчете дворов разнятся на четверть. В примере 6 число населенных пунктов расходится почти на треть (28,8 %). При сопоставлении подсчетов по ведомству Белоярской крепости, населенных пунктов Томского и Енисейского уездов, официальные данные в половину меньше данных приводимых Миллером. Хорошо видно, что чем менее освоенная территория, тем больше расхождение между официальными данными и данными собранными ученым: в Кузнецком уезде в Притомье Миллер обнаружил населенных пунктов на 60 % больше, чем официальная статистика (пример 13), а в Приобской части того же уезда, неучтенные населенные пункты (60) в полтора раза повысили плотность населенной сети (пример 17). В примере 18, количество населенных пунктов в Нарымском уезде, которые выявил Миллер, повысило плотность сети населенных пунктов в семь раз.

Напомним еще раз, что перепись 1710 г. определила численность русского населения Сибири примерно в 310 тыс. чел., примерно пополам распределенных между мужчинами и женщинами. Численность населения по уездам приведена в следующей таблице, где попутно вычисляется средний размер прихода¹.

Таблица 2. Численность населения Сибири в 1710 г. по дистриктам, с числом лиц, приходившемся в среднем на одну церковь.

	Мужской пол	Женский пол	Церквей	На одну церковь
Тобольск	70933	70441	113	1251,1
Верхотурье	16299	16901	42	790,48
Туринск	3700	4694	11	763,09
Тюмень	8626	10345	15	1264,73
Пелым	1021	1238	2	1129,5
Березов	880	979	3	619,6
Тара	5331	5128	9	1162,1
Сургут	549	566	1	1115
Томск	11040	11267	20	1115,35
Нарым	664	706	3	456,6

¹ Часть материалов переписи опубликована в Интернете: <http://census1710.narod.ru/admin.htm> (последний раз проверялась: 9-09-2013).

Кетск	298	325	1	623
Иркутск	9069	6671	32	491,88
Нерчинск	3925	3039	9	773,78
Илимск	6561	5531	22	549,63
Якутск	2074	2087	4	1040,25
Енисейск	8502	8376	28	602,79
Кузнецк	2471	2561	3	1677,3
Красноярск	4410	4304	8	1089,25
Мангазея	687	673	3	453,33
	157040	155832		950,97
Всего	312872			

Составлено по: [19]

Конечно, мы согласны с выводами А.Х. Элрета относительно природы выявленных Г.Ф. Миллером расхождений между официальной статистикой и данными его непосредственных наблюдений (личным подсчетом домов в городах и личным сбором данных о населенных пунктах во время путешествия по соответствующим уездам). Однако нам кажется, что приведенные им данные могут послужить хорошей основой для одного теоретического эксперимента. Предположим, что коэффициенты, приведенные в последнем столбце нашей таблицы, действительно отражают расхождение между официальными и реальными данными о населении. Тогда, перемножив их и данные переписи 1710 г., мы получим данные интервала ошибки в определении численности населения. Таким образом, в таблице представлен разброс данных от половины официальных данных, до числа, которое в семь раз превосходит официальные данные. Применяв полученные коэффициенты к данным переписи 1710 г., мы получим следующую таблицу.

Таблица 3. Возможные отклонения реальной численности населения в 1710 г. от данных официальной статистики.

Порядковый номер	Данные о населении 1710 г.	Коэффициент расхождения	Примерная оценка населения (чел.)
1	312872	0,53	165822
2	312872	1	313890

3	312872	1,2	375616
4	312872	1,26	394045
5	312872	1,27	396578
6	312872	1,29	402941
7	312872	1,3	406265
8	312872	1,4	438020
9	312872	1,4	438694
10	312872	1,48	462506
11	312872	1,48	463770
12	312872	1,52	474106
13	312872	1,59	498904
14	312872	1,61	504827
15	312872	1,82	567930
16	312872	2	625744
17	312872	2,43	759832
18	312872	7,17	2243292

Рассмотрим получившуюся картину подробнее. Для каждого из полученных вариантов, проверим его вероятность путем сравнения с более поздними данными о населении, проживавшем в Сибири в XVIII и XIX в. Поскольку для этого периода нам неизвестны примеры каких-либо демографических катастроф (войн, эпидемий, массовых вынужденных или добровольных миграций), то разумно сделать предположение, что русское население Сибири после переписи 1710 г. вряд ли будет значительно меньшим, чем до 1710 г. или в период переписи. Первая полученная нами гипотетическая цифра предполагает, что на самом деле в Сибири жила всего лишь половина от учтенного населения: 165822 чел. Нам подобная гипотеза кажется абсолютно нереалистической, тем более, что подобная гипотеза не вписывается в существующие представления о Сибири не только тех ученых, гипотезу которых мы обсуждаем, но и всех остальных. Если мы рассмотрим пример 2, где население равно 313890 чел., то подобное отличие от итога переписи 1710 г. кажется нам вполне вероятным. В 1795 г., по результатам VI ревизии русское мужское население Сибири насчитывало 412 тыс. душ. Это почти в два с половиной раза больше, чем по данным переписи 1710 г. С этой точки зрения, варианты численности населения в 375616, 394045, 396578, 402941, 406265 чел. могут показаться вполне правдоподобными. Однако, если считать, что половина из них составляли мужчины, то нам

придется предположить, что в первой четверти века в Сибири могло проживать и 180–200 тыс. душ мужского пола податного сословия из которых только 150 тыс. было известно властям. Если мы вернемся к таблице 2, которая показывает распределение населения по уездам, то мы увидим, что в самом большом уезде Сибири – Тобольском проживало 70 тыс. населения. По каким уездом можно было бы «раскидать» еще 30–50 тыс. чел. мужского населения? «Лишних» тридцать тысяч вполне могли бы удвоить мужское население таких уездов как Верхотурский, Томский или Иркутский. Что уж говорить о гипотезе, что в Сибири было на самом деле на 50 тыс. мужского и на 50 тыс. женского населения больше, чем показано по переписи? Получилось бы, что от переписи укрылся почти каждый четвертый житель региона. Это мало вероятно, даже если предположить, что большинство из этой «утайки» проживало в самых густонаселенных уездах Тобольском, Верхотурском, Тюменском, Томском. Ведь власти, это были не только государевы «налоги» и воеводские «обиды». Власти выдавали крестьянам «подмогу» деньгами, семенами и тягловым скотом. Власти обеспечивали защиту от кочевнических набегов. Власти регулировали доступ к торжкам и ярмаркам, а значит к тому ограниченному кругу предметов, которые не производились в крестьянском хозяйстве. Так что скрываться от государственной власти было не только выгодно, но и хлопотно.

Двигаясь дальше по таблице примеров, отметим, что вряд ли реальное русское население Сибири в 1710 г. было равно полу миллиону душ обоего пола, как это предполагается в примерах 9, 10, 11, 12, 13. Ведь при населении в 438694 чел., или в 462506 чел., или 463770 чел., или в 474106 и даже 498904 чел. уезды должны были быть гораздо более населенными. Если мы обратимся к данным I, II и III ревизий (1719, 1742 и 1762 г., соответственно), проанализированных В.М. Кабузаном [20 с. 77], то найдем там следующие данные о численности населения Сибири в целом: 482 809 чел. по первой ревизии, 611068 чел. по второй ревизии и 757 161 чел. по третьей.

Все население Сибири, включая аборигенное достигло 1, 9 млн. чел. только в 1815 г., поэтому предположение, что правительство учитывало только 1/7 население и реально в регионе проживало 2243292 чел.(пример 18) мы можем отбросить безо всяких колебаний. Столь же нереалистичными кажутся нам гипотезы о возможном населении Сибири в 1710 г. в 504827, 567930, 625744 и 759832 чел. (примеры 14, 15, 16, 17) [21, с. 21].

Итак, мы попытались рассмотреть проблему определения численности русского населения Сибири в первом десятилетии XVIII в. с точки зрения недостоверности официальной статистики. Поскольку в XVIII в. впервые в истории Сибири появляются собственно научные данные о численности русского населения региона и о числе населенных пунктов, полученные профессиональными учеными, имеющими соответствующее образование и рациональное научное сознание, постольку у многих историков возникает предубеждение к официальной статистике, которая в некоторых аспектах расходится с этими научными данными. Возможность сопоставить

официальную статистику с научными материалами приводит многих исследователей к мифологическим представлениям. Мы хотели бы преодолеть односторонность подобного подхода. С нашей точки зрения, говоря о недостоверности официальной статистики и, в частности, данных переписи 1710 г., историки должны определять доверительный интервал. Общим местом историографии является идея «недоучета» населения, следовательно, нижняя граница этого интервала будет ближе к данным официальной статистики, чем верхняя. Однако, невозможно получить какие-либо точные данные на этот счет. В данной статье, что бы определить величину этой поправки, мы провели «мыслительный эксперимент», воспользовавшись некоторыми данными Г.Ф. Миллера. В качестве проверки нами были избраны данные о численности населения Сибири за последующие эпохи XVIII–XIX в. Мы пришли к выводу, что расхождение между официальными данными и реальной численностью населения на начало XVIII в. не могло превышать 20 %, т. е. реально от внимания властей мог ускользнуть только каждый пятый представитель податного сословия [3, с. 51]. Однако возможно, что точность официальной статистики была еще выше, и от нее укрывалось не более 10–15 % населения.

Список литературы

1. Буцинский П. Н Заселение Сибири. Харьков, 1894;
2. Вилков О.Н. К истории Якутска и Охотска в XVIII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1976.
3. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977;
4. Евсеев Е.Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX в. / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1981.
5. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990.
6. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII – XVIII вв. Новосибирск, 1962.
7. Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в. // Сибирские города XVII – начала XX в. / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1981.
8. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск: РИО СО АН СССР, 1965. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня М., 1949.
9. Корецкий В.И Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI- начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М.: Наука, 1973.
10. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI – XVII вв. М., 2010.
11. Сафронов Ф.Г. Основание города Якутска // Города Сибири

(Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1974;

12. Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск, 1967.

13. Солодкин Я.Г. Служилые люди Березова на рубеже XVI–XVII веков: численность, состав, функции // Катанаевские чтения. Омск, 2006.;

14. Христосенко Г.А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977.

15. Соколовский И. Р. «Эпоха Миллера»: начало и конец // Модернизация и традиция в истории России. Материалы регион. научн. конф. – Новосибирск, 2005.

16. Соколовский И. Р. Иммануил Кант и подполковник Иван Бухгольц // Верхнее Прииртышье в XVII – XXI вв.: национально-государственное и этнокультурное взаимодействие: Сб. научных статей. – Новосибирск, 2009.

17. Мамсик Т. С. Экспедиция И. Д. Бухольца и "восстание" ишимских крестьян 1714 г. // Гуманитарные науки в Сибири, 2013, N № 2.

18. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф.Миллера как источник по истории Сибири. / Ред. чл.-кор. АН СССР Н.Н. Покровский. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990.

19. Клочков М.В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Т.1.: Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., 1911.

20. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990.

21. Зубов В., Иноземцев В. Сибирское благословение. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2013.